

Краевой конкурс
«СПАСИБО ЗА МИР!» 1941-1945

к годовщине
Великой Победы

Работу подготовили
ученики 11 класса
МКОУ СОШ №5

Бондарева Дарья и Тучков Иван

Учитель истории
Измайлова Валентина
Сергеевна

Номинация

«Чего стоила нашей стране Победа в
Великой Отечественной войне?»

Жертвенность – одно из самых высоких духовных качеств. Это готовность пожертвовать не только своими личными интересами, но даже своей жизнью ради спасения других жизней. Разве не ради спасения наших жизней и душ пожертвовал собой Спаситель, Иисус Христос?! Разве не от его искры в наших сердцах зажжен огонь жертвенности, который не дает нам покоя, когда кто-то в опасности.

Но не всякий человек способен на самопожертвование. Только сильный духом может, не задумываясь, спасти жизнь ближнего, рискуя собственной.

Кто же способен к жертвенности? Сильный и благородный человек. Не всегда крепкий физически и натренированный может броситься в огонь или на амбразуру вражеского дзота. Подчас такой подвиг совершают люди, не отличающиеся физическими качествами, в них есть что-то другое, более сильное и высокое. И эта сила - дух. Сила духа заставляет забыть о себе, об опасности, помочь ближнему, защитить его даже когда страшно, даже когда больно. Иначе, как можно объяснить, что простая деревенская женщина спасла во время Великой Отечественной войны советского солдата

Это Анастасия Петровна Васильева. Жительница села Привольного, Красногвардейского района, Ставропольского края.

Летом 1941года проводила своего мужа на фронт. И потянулись дни, недели. Анастасия Петровна осталась с двумя дочерьми: Валей и Любой. Работала она в колхозе. Тяжело работать без крепких мужских рук. Но русские женщины работали даже тогда, когда лошади падали, техника выходила из строя. В июле 1942 году немцы вошли в наше село. Демонстративно провели военнопленных солдат.

В а с и л ь е в а

А н а с т а с и я

П е т р о в н а

1915-2000г.

А вечером женщины сообщили, что фуражир нашел раненого советского солдата в камышах. Анастасия Петровна сразу сказала «Возьму, выхожу». И выходила солдата, не досыпая, боясь каждого стука в дверь. Звали солдатика Сашок. Как только стало лучше, ушёл Сашок к своим. Закончилась страшная война. И однажды на улице раздался голос Сашка «здравствуй, мама». Так Анастасия Петровна стала второй, названной «мамой». Приезжал несколько раз Александр Кашников со своей семьёй в Привольное. Анастасия Петровна ездила к нему на Урал. Валя и Люба стали названными «сёстрами» Александра.

АНАСТАСИЯ, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

За давностью лет я не часто вспоминал о подвиге этой русской женщины с мужественным и добрым сердцем. Но все же сираялся у знакомых из Привольного о том, жива ли и здорова Анастасия Петровна Васильева? Как правило, ответы были положительными, или неопределенными; жива, а о здоровье у нее самой надо спрашивать. Несколько раз намеревалась навестить Петровну, да помешало наше русское «потом», а точнее, черствость сердца. И стыдновато стало мне, когда знакомые передали мне, что районное радио рассказало вкратце о судьбе Анастасии Петровны Васильевой и ее семье, рожденной в огне войны и породившей пролитой кровью ее приемного сына Александра Антоновича Кашникова, для нее он просто Саша—Шура. А ведь не кто иной, как я, ваш покорный слуга, совершенно случайно встретился с этой удивительной женщиной и притворился тогда еще плотную завесу над ее подвигом. Звоню в Привольное по адресу ее дочери Валентины, где сейчас проживает Петровна. Слышу женский голос.

— Да, я слушаю.

— Кто у телефона? Нельзя ли позвать Анастасию Петровну?

— А я и есть Анастасия Петровна, — спокойно, далеко не тем тихим старческим голосом, который банально описывают сочинители разных мастей. Слова и фразы женщина произносит внятно, чувствуется, что память сохранила хорошую. Вспомнила и меня, грешного. Я повинился, но она четко ответила:

— Прощаю, на жизнь нашу сплшем, особенно в последние годы. Вот только глуховата немного.

— Сколько же Вам лет сейчас, дорогая Петровна?

— 5 марта ровно 85 исполнилось. Да, а золовку мою помните? На твоей родине жила.

— Тетку Феклу? Конечно, с матерью на птицеферме работали.

— Как там мои племянники поживают?

— Как все сейчас, — отвечаю, а сам думаю: «Ну и память у Петровны—тридцатилетней давности наш разговор помнит».

— Спасибо, что вспомнили, даже по радио обо мне передали...

трудящимся женщинам России. В Петербурге состоялось многолюдное собрание под девизом «Научное утро по женскому вопросу».

Дни перед 8 Марта можно сравнить только с предновогодними: так же много людей на улицах и в магазинах, так же много покупается подарков. Как много цветов в руках женщин! Сколько нежных слов можно услышать в этот день! Мужья и братья, сыновья и внуки, друзья и товарищи по работе — все в один голос говорят: «Без женщин жить нельзя на свете».

По стр. СМИ.

Редакция посчитала нужным рассказать о подвиге Петровны на страницах газеты. Для новых поколений.

...В жаркий августовский день сорок второго года жители одной из улиц села Привольного, в основном женщины и дети, топились у дороги с узелками и ведрами, в которых лежала пехитрая крестьянская едъ. А со стороны реки Калалы в улицу вползала, поднимая пыль, колонна плененных красноармейцев. Тяжел был их шаг, угрюмы лица. Шли они молча, не глядя друг на друга, и, наверняка, при виде женщин и детей вспоминали они родную сторону и своих родных и близких.

Конвоиры с автоматами особенно зорко охраняли колонну при переходе ее через кладку, по сторонам которой рос камыш. Но один из них видимо заметил метнувшуюся к камышам фигуру пленного и дал вслед очередь из автомата. Тревоги немцы не подняли, уверенные наверное в том, что с такого близкого расстояния пули не достигли беглеца.

(Окончание на 2—3 стр.)

О подвиге простой крестьянской женщины стало известно только когда А. Кашников приехал после войны в Привольное. Он то и рассказал о героическом поступке А.П. Васильевой.

А со стороны реки послышалось громыхание подвод. Ездовой, старик, что-то кричал, размахивая руками. Он судорожно натянул вожжи, лошади встали и женщины ахнули. В кузове подвод лежал человек в форме советского бойца. Окровавленная грудь вздымалась и падала, при каждом хриплом выдохе из рта пузырилась кровь.

— Еду, понимаешь, а он лежит в луже крови, — дрожащим голосом рассказывает ездовой, — из камыша вылез. Я к нему. Открыл он глаза и хрипит: «Отвези, папаша, к людям, хоть умру середь своих». Вот и привез. Што делать будем, а бабы? Ведь немцы в селе. Кажись, кончается...

— Молоденький какой! — Воскликнула Лукерья Побединцева, — Что ж, бабы, своего бросим? Не простит нас Бог,

— А ну вези к моей хате, — решительно, даже властно произнесла Настя Васильева.

Подвода остановилась у двора и Настя уверенно, по-

мужски, взяла раненого на руки. Красноармеец застонал, когда его уложили на кровать, разрезали ножницами гимнастерку. С ужасом женщины глядели на отверстие в груди и под правой лопаткой, из которых пульсировала кровь. Женщины перевязали наискось грудь и спину бинтом, оказавшемся в кармане его брюк. Но уже через несколько минут повязку надо было менять. Пошли в дело чистые полотенца, лежавшие в сундуке колхозницы со дня ее свадьбы.

Разошлись по домам женщины с наступлением сумерек, а Настя до утра так и не сомкнула глаз у постели умирающего солдата. Она, по-

сознание оставило солдата. И потянулись бессонные ночи у постели стонущего в бреду красноармейца. Лишь через неделю, однажды утром, женщина с изумлением обнару-

Анастасия, мать

своему разумению, связала несколько полотенцев, подвела под спину бредящего солдата, а концы привязала к гвоздю, вбитому в матицу. Теперь, не приходящий в сознание раненый, без посторонней помощи находился в полусидячем положении. Дышать ему стало легче, кровь лилась меньше.

Утром он открыл глаза и прошептал.

— Запишите адрес.. Пермская... Чернушки..

Снова пошла горлом кровь,

что он смотрит на нее осмысленно и обрадовалась несказанно. В его черных глазах была бездна удивления и молчаливой благодарности.

— Где я? А кто Вы? — прошептал он.

— У своих, не волнуйся, родной.

— Как Вас зовут?

— Настя.

— А отчество?

— Петровна. А тебя как зовут?

— Саша, мама так...

Потом в газете
«Сельская Новь»
Красногвардейск
ого района
появилась поэма
«Память Сердца»
Василия
Дмитриевича
Белых учителя
МОУ СОШ №5,
которую
посвятил
Васильевой А.П.

В.Д.Белых.

« Память сердца».

(Посвящается Васильевой А.П.)

В небольшое светлое селенье возвращается память моя
Здесь второе моё рождение и вторая здесь мама моя!

Лето тяжкое сорок второго, мы утروмы, от пыли седы
И желания нету другого – хоть глоток, хоть росинку б воды.

Ярост стиснула зубы смертельно - за спиной автомата зрачок.
Жжёт безжалостно мысль: ты же пленный,
А к свободе быть может прыжок.

Хоть бы миг подышать на свободе, хуже смерти позорная жизнь.
Вот колонна уж к мосту подходит. Стань-ка лесом, камыш, распрямись.

Я же свой, я же русский, советский, поскорее прими и укрой!
Автомат безотказен немецкий, по-собачьи сторожит конвой.

Августовская вьсь утонула в тихой глади резучки степной
Пустота... Чернотой всё сомкнуло. То ли мёртвый я, то ли живой...

Я лежал неподвижно у плёса, воронье уж слеталось на пир.
Да на счастье, увидел с откоса, подобрал старичок – фуражир.

Кто ты, тот безымянный дедуля? Много позже я только узнал
Как меня, ты, прошитого пулей, от беды неминучей спасал.

Как доставил тогда к крайним хаткам. Над всей улицей – пыльная мгла.
У дороги стояли солдатки – здесь колонна недавно прошла.

Я очнулся на третьи лишь сутки, за окном кто-то плакал иль пел.
Где я? С кем я? Что за странные шутки? Над кроватью я полувесел.

Речь родная слышна за стеною, средь своих. Вот хозяйка сама
С той осанкою гордо-простою, что в некрасовских встретишь томах.

«-Адрес мой запиши поскорее... Мне на свете уже не житьё.
Из Перми я, родная, скорее...». Горлом хлынула кровь, забитьё...

Приложили соседки-старушки пластырь мне по рецептам своим
Рана от разрывной не игрушка, докторам не под силу иным.
И тогда ты рискнула, не дрогнув, врач-австриец ту рану промыл
Ничего не сказал у порога, только палец к губам приложил.

Был представлен ему твоим братом - мне везло на хороших людей.
К счастью он оказался «камрадом» - есть, и люди средь этих зверей.

ми на пороки, не упал – удержался в седле,
жизне я руки, не нашлось подлещи на селе.

сли, подруги и несли, что могли, из еды
вны досуги, да и те превращались в труды.

ды длиною в лазарете домашнем лежал.
тала родною, а хозяйку я мамой назвал.

ал «на волно», шаг за шагом, держась за стену
и, волки воют – обнаглело зверьё за войну.

трёпанных тучах, ветер гонит клубки курая.
дут ещё мучит лехорошая думка моя.

одранок, отстрелался должно быть, Сашок!
но, что рано не отдал я немцам «должок.»

градском, в битве страшной, что мир не видал,
знаем адским: Волга, камень, земля и металл.

ное «наши» над затихшим селом разнеслось
речно чаще место радости тоже нашлось.

ной дорогой, умолял медицинских богов
ных порогов, уверял, что я годен, здоров!

дах и братских и в своей и чужой стороне
же счастье улыбалось в той страшной войне.

на том месте, где когда-то убитым лежал
шка-подросток краснопонок у плеса таскал.

мы изменилось: шлях запахаи и нету моста...
не забылось... Слишком памяты эти места.

подворье – сизый дым над печною трубой.
родная, Петровна! Вот и свиделись, мама с тобой!»

не разлуки, память сердца не сладят года...
? Как внуки? Есть ли в чём недостаток? Нужда?»

ниц – подружек биографии судьбы одни
жили дружно. Меж собою мы вроде родни.

Пережито ведь было немало родителей и теперь вспоминать.
Ведь тогда мы про нервы не знали. Знали: надо детей поднимать.

Доставалось нам всем под завязку. Было в петлю порою хоть лезь.
По-ребячьи посмотришь, как глазки с детской просьбой: «Мама, поесть».

«Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик!» - этой горькой военной частушки

2

е смеет язык!

и знают – смех это или же крик.
не. Одиночество, дети, тоска.

вет. На селе полтора мужика.
и хватило его, ведь у всех,
ре, станет легче: и песни, и смех.

Трости, Господи! Пели, да как!
! сплестать – то, была я мастак.

каль, что памятника им ещё нет.
на всём свете животного нет!

е, упадёт вдруг бурёнка, реветь.
о, отдохнём, да и снова вперед!

з коровьих, да бабьих лишь сил,
и, не один по колхозу ходил.

ое, хоть из памяти и не стереть
о не пришлось бы теперь здесь сидеть.

тсь - есть у всех и на стол и к столу
вот поди – ка, пройдишь по селу.

най, работай, не пей, не ленись!
ок. Ах! Какая у них стада жизнь!

у, много стали мы их блатовать...
ишь войны не пришлось им узнать.
ть, рушничок, на котором висел
Было два, лишь один уцелел...

« где живёт её названный сын,
» в окружении кудрявых рябин.

тль, одаряя уральских внучат
, по родному селу чуть грустят.

мирный май, славим мы тишину.
Улыбаются солнышку дети, ходят фильмы смотреть про войну.

Бережешь сыновей, мать – Россия, защищают тебя сыновья
А врагам ведь понять не по силам – в чем же сила, Россия, твоя?!

В.Д.Белых.

« Память сердца».

(Посвящается Васильевой А.П.)

В небольшое светлое селенье возвращается память моя
Здесь второе моё рожденье и вторая здесь мама моя!

Лето тяжкое сорок второго, мы угрюмы, от пыли седы
И желания нету другого – хоть глоток, хоть росинку б воды.

Ярость стиснула зубы смертельно - за спиной автомата зрачок.
Жжёт безжалостно мысль: ты же пленный,
А к свободе быть может прыжок.

Хоть бы миг подышать на свободе, хуже смерти позорная жизнь.
Вот колонна уж к мосту подходит. Стань-ка лесом, камыш, распрямись.

Я же свой, я же русский, советский, поскорее прими и укрой!
Автомат безотказен немецкий, по-собачьи сторожит конвой.

Августовская высь утонула в тихой глади речушки степной
Пустота... Чернотой всё сомкнуло. То ли мёртвый я, то ли живой...

Я лежал неподвижно у плёса, вороньё уж слеталось на пир.
Да на счастье, увидев с откоса, подобрал старичок – фуражир.

Кто ты, тот безымянный дедуля? Много позже я только узнал
Как меня, ты, прошитого пулей, от беды неминучей спасал.

Как доставил тогда к крайним хаткам. Над всей улицей – пыльная мгла.
У дороги стояли солдатики – здесь колонна недавно прошла.

Я очнулся на трети лишь сутки, за окном кто-то плакал иль пел.
Где я? С кем я? Что за странные шутки? Над кроватью я полувесел.

Речь родная слышна за стеною, среди своих. Вот хозяйка сама
С той осанкою гордо-простою, что в некрасовских встретишь томах.

«-Адрес мой запиши поскорее... Мне на свете уже не житьё.
Из Перми я, родная, скорее...». Горлом хлынула кровь, забытьё...

Приложили соседки-старушки пластырь мне по рецептам своим
Рана от разрывной не игрушка, докторам не под силу иным.
И тогда ты рискнула, не дрогнув, врач-австриец ту рану промыл
Ничего не сказал у порога, только палец к губам приложил.

Был представлен ему твоим братом - мне везло на хороших людей.
К счастью он оказался «камрадом» - есть, и люди среди этих зверей.

Взят судьбой и людьми на поруки, не упал – удержался в седле,
Не был отдан в чужие я руки, не нашлось подлеца на селе.

Приходили соседи, подруги и несли, что могли, из еды
Коротали здесь вдовьи досуги, да и те превращались в труды.

И три месяца в годы длиною в лазарете домашнем лежал.
Мне вся улица стала родною, а хозяйку я мамой назвал.

По ночам выходить стал «на волю», шаг за шагом, держась за стену
Где-то рядом почти, волки воют – обнаглело зверьё за войну.

Месяц тусклый в растрёпанных тучах, ветер гонит клубки курая.
Холодина. А тут ещё мучит нехорошая думка моя.

Не орёл я теперь, а подранок, отстрелялся должно быть, Сашок!
Как обидно и больно, что рано не отдал я немцам «должок.»

А ребята в огне Сталинградском, в битве страшной, что мир не видал,
Где пылало всё пламенем адским: Волга, камень, земля и металл.

Наконец долгожданное «наши» над затихшим селом разнеслось
В переполненной горечью чаше место радости тоже нашлось.

И ушёл я солдатской дорогой, умолял медицинских богов
Обивал много разных порогов, уверял, что я годен, здоров!

В одиночных могилах и братских и в своей и чужой стороне
Оставлял я друзей, мне же счастье улыбалось в той страшной войне.

И вот снова стою на том месте, где когда-то убитым лежал
Конопатый мальчишка-подросток краснопёрок у плеса таскал.

Много здесь с той поры изменилось: шлях запахан и нету моста...
Скоро сорок уж лет – не забылось... Слишком памятливы эти места.

Снова я на знакомом подворье – сизый дым над печною трубой.
«Здравствуй! Здравствуй! Родная, Петровна! Вот и свиделись, мама с тобой!»

Пусть свиданья короче разлуки, память сердца не сгладят года...
«Как здоровье? Как дети? Как внуки? Есть ли в чём недостаток? Нужда?»

У меня и ровесниц – подружек биографии судьбы одни
Все у них на виду, жили дружно. Меж собою мы вроде родни.

Пережито ведь было немало родителей и теперь вспоминать.
Ведь тогда мы про нервы не знали. Знали: надо детей поднимать.

Доставалось нам всем под завязку. Было в петлю порою хоть лезь.
По-ребячьи посмотришь, как глазки с детской просьбой: «Мама, поешь».

«Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик!» - этой горькой военной частушки

Посмеяться не смеет язык!

Лишь холодные вдовьи подушки знают – смех это или же крик.
Песни были на плачи похожие. Одиночество, дети, тоска.

Кроме песни, никто не поможет. На селе полтора мужика.
Разделённое горе – полгоря и хватило его, ведь у всех,
А сойдёшься, поплачешь, и вскоре, станет легче: и песни, и смех.

Всё стерпели, не ели, а пели. Прости, Господи! Пели, да как!
Жаль годочки мои улетели. И сплясать – то, была я мастак.

Крепко нас выручали бурёнки, жаль, что памятника им ещё нет.
А сознательнее коровёнки на всём свете животного нет!

Ведь бывало, и так: пашем поле, упадёт вдруг бурёнка, ревёт.
Наревёшься в два голоса вволю, отдохнём, да и снова вперёд!

И таких агрегатов в две силы из коровьих, да бабьих лишь сил,
Что пахали, возили, кормили, не один по колхозу ходил.

Хватит уж вспоминать всё плохое, хоть из памяти и не стереть
Люди в горе дружны, но иначе с тобою не пришлось бы теперь здесь сидеть.

Да, сейчас грех нам на жизнь обижаться - есть у всех и на стол и к столу
В гору начали мы подниматься, вот поди – ка, пройдишь по селу.

У людей появился достаток, знай, работай, не пей, не ленись!
Поглядишь вот сейчас на внучаток. Ах! Какая у них стала жизнь!

Только вот не бесились бы с жиру, много стали мы их баловать...
Ну, а так, ничего, быть бы миру, лишь войны не пришлось им узнать.
На возьми-ка, Антоныч, на память, рушничок, на котором висел
Из приданного мамина память. Было два, лишь один уцелел...

Посадила Петровна две вишни, где живёт её названный сын,
По весне распускаются пышно в окружении кудрявых рябин.

И растут ставропольские гости, одаря уральских внучат
Приглашают Петровну в гости, по родному селу чуть грустят.

Тридцать пять на нашей планете мирный май, славим мы тишину.
Улыбаются солнышку дети, ходят фильмы смотреть про войну.

Бережёшь сыновей, мать – Россия, защищают тебя сыновья
А врагам ведь понять не по силам – в чем же сила, Россия, твоя?!

Летели письма в Привольное из "Чернушки"

Привет из Чернушки
 15 декабря 1986 года
 Здравствуйте мама дорогая мама
 и бабушка Анастасия Петровна.
 Первая декада моего письма
 пришла от нас всей семье
 поклок. Желает тебе самого
 наилучшего здоровья, бодрости как
 раньше, теплой душевности к своим
 детям и внукам. Точку ставь в своем
 письме. Молодые учатся беречь себе
 здоровье даже в дкл. таня в январе
 вышла замуж. Таня в январе
 не говорит тебе маме по секретам
 только катет мамас. Деду, бабу
 Зоз - 4 месяца. Милк а с бабуш
 Зрче зрче смейте в болнице.
 Мама удачно устроилась за домом
 пролетать в болнице там есть

*Александр Кашников со
своей семьёй.*

*« ... Толи сердце болит, толи раны
болят... »*

1986год – не стало Сашка – Александра
Кашникова

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ

В РУССКИХ

СЕЛЕНИЯХ

***«Подвиг этот, будет в памяти жить
И в наших сердцах гореть!
Тех, кто с врагом был готов разделить,
Поровну только смерть!»***

Ким Добкин

**Вечная
слава
героям!
Вечная слава!
Вечная слава!
Вечная
слава
героям!
Слава героям!
Слава!!**

**Р.
Рождественский**

